Вятская Свистопляска: от коммеморации к городскому празднику

ВЛАДИМИР АНАТОЛЬЕВИЧ КОРШУНКОВ[1]

✉ VLA_KOR@MAIL.RU
ORCID: 0000-0001-6150-8308

[1]Институт гуманитарных и социальных наук, Вятский государственный университет, Киров, Россия

Для цитирования статьи:
Коршунков, В. А. (2019). Вятская Свистопляска: от коммеморации к городскому празднику. *Фольклор и антропология города, II*(1–2), 346–359.

В г. Вятке в XIX — начале XX века справлялся ежегодный праздник — Свистопляска. Он состоял из панихиды по убиенным воинам в часовне, ярмарки (с продажей в том числе глиняных дымковских игрушек), народного гулянья. О происхождении Свистопляски рассказывали, что вятчане когда-то давно по ошибке перебили в ночной темноте своих союзников устюжан и в память о побоище стали проводить это празднование. Ученые обычно рассматривают Свистопляску как старинный народный весенне-летний обрядовый праздник. В этой работе публикуются выявленные архивные тексты о Свистопляске 1830-х годов, позволяющие предположить, что в основе праздника лежало представление о коммеморативном городском обряде.

Ключевые слова: русский город, обряды, архивные документы, исторические предания, коммеморативные практики

The Svistoplyaska of Vyatka: from a commemoration to an urban festival

Vladimir A. Korshunkov[1]

✉ VLA_KOR@MAIL.RU
ORCID: 0000-0001-6150-8308

[1]Institute of Humanities and Social Sciences, Vyatka State University, Kirov, Russia

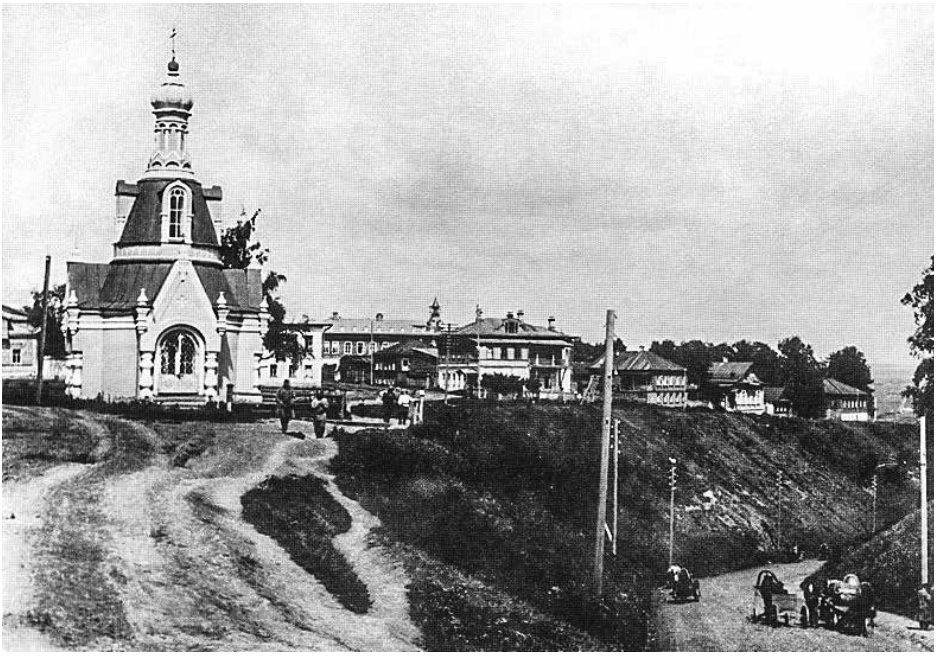
To cite this article:
Korshunkov, V. (2019). The Svistoplyaska of Vyatka: from a commemoration to an urban festival. *Urban Folklore & Anthropology, II*(1–2), 346–359. (In Russian).

In the 19th and early 20th centuries an annual festival of Svistoplyaska was held in the town of Vyatka. The festival included a memorial church service for the fallen soldiers in the local chapel, a fair (where the traditional clay toys from Dymkovo were sold) and public festivities. According to the local legend, the warriors of Vyatka had once butchered those of Velikiy Ustyug, mistaking their allies for the adversary in the dark of the night, and the festival was created to commemorate the massacre. Researchers con-

sider Svistoplyaska to be an archaic ritual festivity of the spring and summer calendar cycle. Hereby the discovered archival texts of the 1830s concerning Svistoplyaska are published, which allow to suggest that the festival was based on the idea of a commemorative urban ritual. These texts indicate that the authors considered the memorial church service for the fallen warriors to be the most important part of the festival. These earliest descriptions portray Svistoplyaska as a regular Orthodox festival involving a great number of citizens: it takes place during the Easter ritual cycle; it starts with a memorial service in the chapel; as most of church holidays, it is accompanied by a fair and various festivities (mostly childrens' and youth practices). But the commemorative aspect is the most important.

Keywords: Russian town, rituals, archival documents, historical legends, commemorative practices

В губернском городе Вятке (нынешнее официальное название — Киров) вплоть до 1920-х годов ежегодно справлялось примечательное народное празднество — Свистопляска. Оно было приурочено к пасхальному циклу, а именно к четвертой субботе после Пасхи. Все начиналось с панихиды по убиенным воинам в часовне Михаила Архангела, располагавшейся в центре города, у Раздерихинского оврага. Потом разворачивалось буйное веселье, которое выплескивалось в окрестные кварталы.

Илл. 1. Вятка. Часовня Михаила Архангела на краю Раздерихинского оврага. Старинная открытка

Люди шумели, свистели, перебрасывались глиняными шариками (поместному, «шарышами») (*Илл. 2* и *3*). Когда-то в прошлом случались кулачные бои. Непременно бывала и ярмарка. Мастера-гончары из заречной слободы Дымково продавали шарыши, фигурки барышень и кавалеров, медведей, козлов, индюков и всяких птичек-свистулек. Со второй половины XIX века старинный праздник (называвшийся уже просто Свистуньей) все более становился развлечением для детей. Ярмарочная торговля изделиями из глины и гипса, а также всякими местными припасами, сохранялась до последнего — пока советские запреты на деятельность рынков не привели к угасанию традиции.

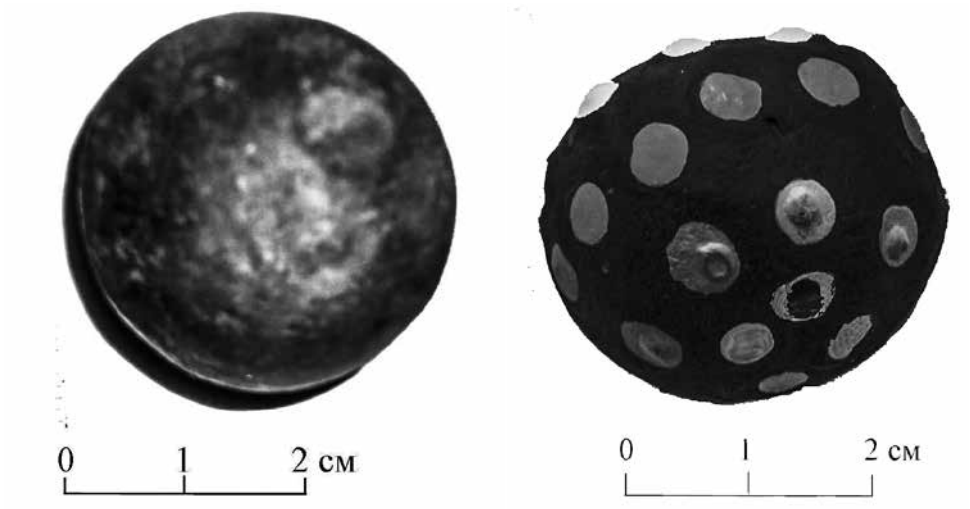
Первые упоминания и краткие описания Свистопляски обнаруживаются около двух столетий назад. Примерно с середины XIX века местные печатные известия о городском празднестве появлялись регулярно. Научных же исследований о Свистопляске мало. Этой темой занимался Д. К. Зеленин, именно из его работ последующие поколения ученых узнавали что-то об этом празднике [Зеленин 1904: 145–146, Зеленин 1995: 134–135]. Искусствовед И. Я. Богуславская, занимаясь изучением глиняной дымковской игрушки, опубликовала небольшую, но важную статью, в которой развивала и дополняла наблюдения Зеленина [Богуславская 1988]. Исследователи рассматривали вятскую Свистопляску в контексте весенне-летнего обрядового цикла — как старинный народный праздник, сходный с Семиком и заключающий в себе языческие элементы. О Свистопляске пишут и краеведы, но у них редко предлагаются обоснованные, доказываемые должным образом выводы, к тому же они опираются на источники давно известные. Примерно так же обстоит дело с работами современного украинского этнографа К. Ю. Рахно, который, рассмотрев Свистопляску, предположил даже, что на Вятке сохранялись следы культа Перуна [Рахно 2013, Рахно 2013а].

Едва ли следует преувеличивать вероятные «языческие пережитки» этого празднества. Мы ничего не знаем о Свистопляске даже XVIII века, не говоря уж о более раннем времени. Между тем, в XVIII веке Вятка была городом губернским, а до учреждения губерний Екатериной II этот город (носивший тогда название Хлынов) представлял собой хоть и отдаленный от Москвы, но все же важный по своему значению центр обширного и самобытного Вятского края. Похожие на Свистопляску обрядовые праздники (приходившиеся на Семик либо Троицкую субботу) известны в уездных городках Котельниче и Слободском, а также в некоторых селах, которые, как и эти городки, располагались не столь далеко от Хлынова, в середине вятских земель[1]. Однако празднование с названием Свистопляска, проводившееся в четвертую после Пасхи субботу, бывало только в главном городе края. Уже со времени Ивана Грозного в Хлынове существовал Успенский монастырь, владения которого широко раскинулись по окрестным землям. Хлыновские монахи едва ли стали бы терпеть в своих пределах сколько-нибудь очевидное «язычество». Может быть, они не слишком поднаторели в богословии,

[1] Сходные поминальные обряды отмечены в Прикамье [Чагин 2010: 30–41, Королева, Колегова].

но присматривать за соблюдением православных обрядовых норм могли — у них в этом был вполне понятный интерес. Высказывавшиеся некоторыми учеными предположения, что в 1730-е годы и позже местные жители регулярно приходили для поклонения некоему языческому богу — то ли прямо-таки Волосу (Велесу), то ли сходному с ним мифологическому «хозяину» — к заболоченному месту всего в четырех верстах от Хлынова, на поверку оказываются совершенно неубедительными [Коршунков 2012].

Исторические свидетельства, которыми мы располагаем, показывают, что Свистопляска была праздником городским. Потому вряд ли имеет смысл выискивать в Свистопляске следы древнейших культов, а в основных типах тесно связанной с нею дымковской игрушки — архаичные, сохраненные в крестьянской среде образы, воплощавшие плодородие и чадородие, солярную символику и т. п. Для того чтобы разобраться в истинных смыслах праздника, необходимо ввести в оборот свидетельства XIX века, которые остались неизвестными и Зеленину, и позднейшим авторам. Это архивные источники, хранящиеся в Центральном государственном архиве Кировской области (ЦГАКО).

Илл. 2-3. Глиняные «шарыши», которыми дети и парни перебрасывались на Свистопляске, были двух типов: простые цельные шарики и черные шары из глины, полые внутри, со сквозными отверстиями и с разноцветными крапинками на поверхности. Слева — найденный археологами в центре города в 2012 году шарик первого типа. Справа — копия «шарыша» второго типа, сделанная дымковскими мастерицами уже в XXI веке

«История Вятския страны» семинариста Федора Пинегина

Федор Пинегин принадлежал к семейному клану, в котором было немало священно- и церковнослужителей. Ему принадлежит неопубликованное сочинение под заглавием «История Вятския страны по части Церковной», датированное 1838 годом. На титульном листе указано, что «История» составлена «учеником Вятской семинарии Высшего отделения Феодором Пинегиным». Кроме того, сохранились его письма, которые он, учась в Вятской духовной семинарии, направлял в уездный город Слободской, где жила его родня. Рукописная «История» выполнена тем же почерком и даже теми же чернилами, что и письма[2].

Пинегин полагал, что г. Вятка (Хлынов) основан в 1181 году. Действительно, многие в то время (да и в наши дни), вслед за поздними вятскими летописями второй половины XVII — начала XVIII века, возводили начало города к XII веку, хотя имеется немало сторонников датировки, сдвинутой ровно на два столетия позднее. Пинегин, как и прочие писавшие тогда о Свистопляске, перелагал историческое предание о начале праздника, связывая его с неким давним побоищем.

В рукописи Пинегина заглавия выделенных им кратких частей текста даются на полях. Приведу здесь три такие части, в которых повествуется о нашествии на Вятскую землю «моголов» (монголов) и о последовавшем вскоре после того несчастном сражении вятчан с жителями Великого Устюга. В заключительной части говорится о современном Пинегину способе проведения Свистопляски.

Бедствие Вятчан от Моголов

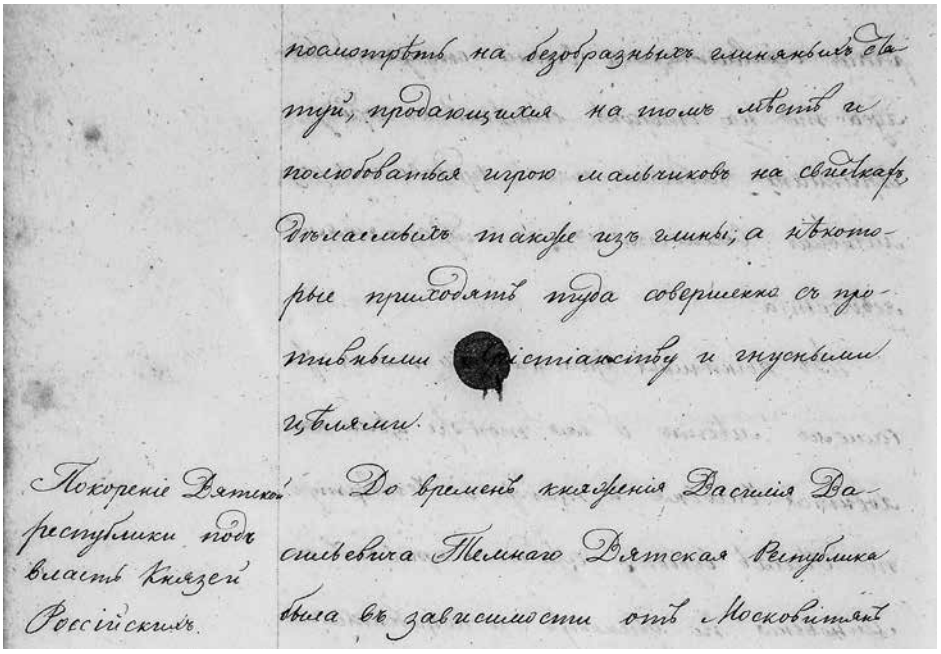
> Спустя 210 лет от поселения выходцев Новгородских в Вятской стране, именно в 1391[3] (68994) году, грозная туча разразилась над главами их. Молва о благосостоянии маленькой Вятской Республики дошла до слуха соседственных Моголов. В них, и особенно в Царя их Тохтамыша, вселилось желание искать там добычи и жертв корыстолюбия. Многочисленное войско под предводительством Царевича Бектута было отряжено для удовлетворения алчных желаний Моголов. Изумленные внезапным их нашествием, Вятчане не могли отстоять своих городов и селений, основанных среди пустынь, лесов и болот. Множество Христиан погибло от меча; многие, уведенные в плен, на всегда лишились своей вольности; иные спаслись бегством, а другие успели спасти жизнь свою, откупясь сокровищами. Таким образом обогатясь корыстию раззоренных народов, Моголы оставили Вятские области![5]

[2] Общая характеристика сочинения Пинегина дана в работе А. Г. Балыбердина, см.: [Балыбердин 2014]. О Пинегине см. также: [Коршунков 2014].

[3] Истор. Гос. Росс. Ч. V, стр. 125. 6. *Прим. Ф. Пинегина*

[4] Повес. о гр. Вятке, стр. 21. *Прим. Ф. Пинегина*

[5] Орфография и пунктуация документов приближены к современным.

посмотрѣть на безобразныхъ глиняныхъ ба-
тый, продающихся на тотъ мѣсяцъ и
полюбовавшись игрою мальчиковъ на свистокахъ.
Дѣлаемыхъ также изъ глины; а нѣкото-
рые приходятъ туда совершенно съ про-
тивными христіанству и гнусными
намѣреніями.

Покореніе Вятской республики подъ власть Князей Россійскихъ.

До времень княженія Василія Ва-
сильевича Темнаго Вятская Республика
была въ зависимости отъ Московитянъ

Илл. 4. Завершение рассказа о Свистопляске в рукописной «Истории» Ф. Пинегина

Бедствие Вятчан от Устюжан

Скоро плачевная участь Вятчан достигла до слуха единоплеменных им народов, живших в областях Великого Устюга. Устюжане, соболезнуя о бедствии единоплеменных Вятчан, раззоряемых варварскими народами, отправили к ним на помощь несколько тысячь вооруженных людей, но, вместо помощи, посланные на помощь усугубили бедствие Вятчан и сами сделались жертвою своей неразсудительности. Думая, что Вятчане осаждены от неприятелей и что в Хлынове находится стан неприятельский, Устюжане решились, не давая знать о том Хлыновчанам, ночью напасть на Хлынов и поразить в нем мнимых врагов. Как ни осторожно они приближались к городу, однако городская стража усмотрела при подошве горы колеблющийся народ и, почитая его за неприятелей, немедленно ударила тревогу, на которую тотчас сбежались испуганные граждане. Видя у города народ и почитая его за неприятелей, Хлыновчане с ужасным отчаянием сделали вылазку и вступили в бой с Устюжанами. Ярость ожесточила сердца обеих (так! — *В. К.*) народов тем более, что они, сражаясь друг с другом в темноте, думали, что убивают неприятелей. Жестокое кровопролитие продолжалось до тех пор, пока утренняя заря прогнала мрак ночи. Тогда-то ужас объемлет ту и другую сторону воинов, и кровавый бой прекращается. Место отчаяния заступает невыразимая печаль. Однако печаль еще более ожесточила единоплеменников, потому что они присудили, будто бы ужасное кровопролитие с которой нибудь стороны сделано с худым намерением. Снова начался страшный бой и продолжался до тех пор, пока обе стороны лишились всех своих сил. На месте сражения пало с обеих сторон более 4.000 человек. Все убиенные на поле брани были погребены в предместии Хлынова на том самом месте, которое до ныне слывет под именем Свистопляски (подчеркнуто автором. — *В. К.*).

Поминовение убиенных при этом случае

> Над местом погребения была построена Часовня, в коей ежегодно отправлялись Панихиды по убиенных в день несчастного сражения, происшедшего в Четвертую по Пасхе Субботу. Поелику же плачь до Панихид, по исправлении их, был растворяем оживляющими веселие струями Бахуса, то на стороне ближней к городу Христиане, забывая плачь, предавались различным веселостям и студодеяниям язычества.
>
> В нынешние времена на том же самом месте и для той же цели находится Часовня, и также в Четвертую по Пасхе Субботу ежегодно правят поминовения по убиенных и погребенных на том месте воинах. Но, к стыду Вятчан, очень не многие из них отдают Христианский долг усопшим: напротив того, каждый, можно сказать, из природных Вятчан почитает обязанностью каждогодно побывать на Свистопляске, а с какою целию? Чтоб только посмотреть на безобразных глиняных статуй, продающихся на том месте и полюбоваться игрою мальчиков на свистках, делаемых также из глины, а некоторые приходят туда совершенно с противными Христианству и гнусными целями[6].

Пинегин ссылается на местную летопись «Повесть о граде Вятке»[7]. Так называемый Баженовский ее список к тому времени уже был напечатан [Повесть о граде Вятке 1824]. В разных списках этой летописи под годом 6899 (1391) указано нашествие татарского царевича Бектута на Вятскую землю и сразу вслед за тем под годом 6929 (1421) — убийство «на Вятке» Анфала и сына его Нестора (Нестера) Михаилом Росохиным. Вооруженное столкновение, в котором погиб новгородский боярин Анфал Никитин, обычно принималось исследователями за историческое событие, ставшее основой предания о происхождении Свистопляски (дата же его гибели определяется по-разному [Мусихин 2010]). У Пинегина здесь имеется еще ссылка на «Историю государства Российского» Н. М. Карамзина, откуда он переписывал целые куски.

Во второй части своего рассказа Пинегин уже без ссылки перелагает сведения о побоище, заимствуя их из книги «Журнал, или Дневные записки путешествия капитана Н. П. Рычкова по разным провинциям Российского государства» (1770–1772). Рычков в 1769–1770 годы побывал в Вятском крае, получил в распоряжение «Повесть о граде Вятке» и в своей книге красочно пересказал ее, снабдив всяческими дополнениями [А. В.: 330, 332–333]. Он живописал побоище устюжан и вятчан, а вот о самой Свистопляске не сообщил ничего (даже слова этого не использовал), отметив только благопристойно-христианскую сторону поминовения убиенных вместе с Анфалом воинов: «Сказывают, что с обоих (так! — *В. К.*) сторон на месте убито более 4000 человек, которые все погребены в предместии гор. Хлынова, и нынешние градские жители в память сего нещастного случая отправляют ежегодно на том месте при собрании всего народа печальные поминки» [Рычков 1892: 323].

[6] История Вятския страны по части Церковной, составленная учеником Вятской семинарии Высшего отделения Феодором Пинегиным (ЦГАКО. Ф. 1404. Оп. 1. Д. 3). 25 об.–28 об.

[7] Она могла именоваться иначе: «Повесть о стране Вятской», «Вятский летописец», «Летописец о стране Вятской».

Сведений же о праздновании Свистопляски, которыми Пинегин завершал эту часть своей «Истории», нет ни в «Повести о граде Вятке», ни у Карамзина, ни у Рычкова. Другие авторы, столичные и местные, писавшие о том же до Пинегина (либо как раз в то время, что и он) — А. И. Вештомов, Н. З. Хитрово, В. Я. Баженов, П. Л. Яковлев, Е. Мухачев — уже использовали слово «Свистопляска» как обозначение самого празднества или же места, где оно проводилось. У них имеются некоторые сведения о народном гулянье и ярмарке [Коршунков 1998: 342–345].

Рассказ Пинегина о том, как в его время горожане справляли Свистопляску, не является списанным откуда-либо и отражает личные впечатления. Тем и ценен. Для семинариста Пинегина главное в описании Свистопляски — это панихида, отдание христианского долга памяти покойным. Он горько сожалеет, что многие из «природных вятчан» веселятся, предаваясь «студодеяниям язычества» и прочим «противным христианству» занятиям. Надо ли усматривать в его словах указание на «языческие пережитки»?.. «Студодеяния» — это значит: нечто стыдное, неприличное для православных. Известно, сколь чутки бывали в ту эпоху церковные люди к неблагопристойному поведению мирян. И чем бы такое ни вызывалось, оно привычно клеймилось как постыдное язычество — такова была книжная традиция, восходящая в конечном итоге к византийской назидательной литературе.

Описания исторических памятников, собранные Вятским статистическим комитетом

Весной 1837 года, в то время, когда Федор Пинегин готовил свою «Историю», губернатору К. Я. Тюфяеву, который числился также председателем Вятского губернского статистического комитета, пришел запрос из Министерства внутренних дел, подписанный министром Д. Н. Блудовым: «Известный трудами своими Русский Антикварий, Коллежский Советник Кеппен просил меня о разсылке по Губерниям недавно отпечатанного списка известнейшим курганам в России, для пополнения и исправления его новыми сведениями, которые на месте гораздо удобнее могут быть собраны, нежели здесь в С. Петербурге». Министр просил губернатора содействовать собиранию сведений по сему предмету, «заслуживающему внимание любителей отечественной старины».

В Вятке были печатным способом изготовлены запросы, разосланные членам-корреспондентам статкомитета. В 1837–1838 годы были собраны данные о местных памятниках, заслуживающие внимания. Среди прочего в архивном деле имеется небольшая рукопись, подписанная так: «Член Корреспондент Ученый Лесничий Никифор Иванов». Лесничий подошел к делу вполне учено, разделив описанные им (впрочем, совсем немногочисленные) исторические памятники на два периода — те, что были созданы до прихода русских, и более поздние. Он писал:

Ко второму периоду отнести надлежит:

А). Вал, сооруженный Новгородцами в городе Хлынове, что ныне Вятка, для отвращения набегов покоренных ими и других народов. Он, как полагать надлежит, окружал весь в то время бывший город; но ныне видимы только в некоторых местах не большие остатки его, по срытии настоящего при устройстве города Вятки. Место, бывшее внутри оного и ныне находящееся у большого звоза к реке Вятке (Наздериха), достойно замечания тем, что на оном погребено четыре тысячи человек Устюжан и Вятчан, павших в междоусобии, произошедшем за то, что первые из них, узнав о нападении на город Хлынов Царевичем Бейтугом (так! — *В. К.*), посланным от Татарского Царя Токтамыша, шли на помощь к ним, а последние, почтя их в ночную темноту за явных неприятелей, вступили с ними в кровопролитный бой, продолжавшийся до тех пор, пока с разсветом дня не узнали друг друга. В воспоминание сего и поднесь жители отправляют ежегодно на том месте в четвертую субботу по Пасхе при собрании народа панихиды, при чем взошло ныне в обыкновение продавать глиняные разные детские игрушки, свистки, шары и куклы. Место сие называется теперь свистопляскою (подчеркнуто автором. — *В. К.*)[8].

Иванов упоминает о Свистопляске в связи с посадским валом, который, по его мнению, был много веков назад насыпан новгородскими первопоселенцами. Совсем небольшие остатки этого вала до сих пор видны в некоторых местах города. Этот вал более позднего происхождения, чем думалось Иванову и его современникам, а именно XVII века. Когда же ученый лесничий писал, что «по срытии настоящего [вала] при устройстве города Вятки» мало что от него осталось, он противопоставлял старинный Хлынов современной ему Вятке. Город стал называться Вяткой при Екатерине II, тогда же его начали переустраивать, меняя радиально-кольцевую планировку на прямоугольную. Улицы стали прокладывать иначе. Мало-помалу к 1830-м годам уничтожили почти весь посадский вал, который мешал новым постройкам.

Спуск к реке в наши дни называется Раздерихинским оврагом, а в XVIII веке и после его обычно именовали Сдерихинским (Здерихинским, Вздерихинским). У Иванова — редкостный вариант: не Здериха какая-нибудь, а Наздериха. Можно было бы даже думать, что это оплошность при переписывании, но в конце документа подпись сделана тем же почерком — Иванов писал набело сам. Правда, название выведено неразборчиво, и некто (губернатор?), читавший тогда же текст, поставил на полях карандашную помету, из которой видно, что и он толком не разобрал написанное («Нихдериха»).

Надо ли употребленное Ивановым выражение «взошло ныне в обыкновение» понимать так, что ярмарка тогда была делом новым? Интересно, что, по его версии, ежегодное событие на месте, называемом Свистопляской, сводится к панихиде и ярмарке — и только. О праздничном разгуле он в своем кратком описании не упоминает.

[8] Записки членов-корреспондентов губернского статистического комитета с описанием курганов, городищ и других исторических памятников губернии (ЦГАКО. Ф. 574. Оп. 1. Д. 7). Далее — Записки членов-корреспондентов. 11–12 об.

На следующем же листе этого архивного дела содержится нечто вроде добавления к тексту Иванова — черновой набросок, при этом почерк хуже (и не похоже, что это почерк Иванова), подписи нет. Там сказано:

> Ко второму периоду принадлежит:
>
> А). Вал, насыпанный Новгородцами в городе Хлынове (нынешняя Вятка), вероятно, он окружал весь город, небольшие остатки его видны в разных частях теперешнего города. На западном окончании етого вала бывает известной народной праздник Свистопляска, основанной на каком то темном историческом предании. В 4 Субботу после Пасхи Духовенство отправляется на сказанное место, тут была какая то битва, отправляют панихиду, поминают убиенного Анфала Разсохина, но не имеется ничего письменного о причине етой Панихиды. На етом празднике продается большое количество разных глиняных игрушек и свистков.
>
> Народное предание говорит, будто Устюжане приходили на помощь Вятчанам и давали свистом условной знак своего приближения, но Вятчане, признав их за Татар, напали и перерезали; будто бы в память етого несчастия учреждена Свистопляска и будто бы с тех пор окружные жители, смеясь над Вятчанами, называют их Слепородами. Впрочем, есть и другие предания, одни твердят о народном возмущении, другие о битве с Устюжанами, приходившими грабить Вятчан (подчеркнуто автором. — *В. К.*)[9].

Примечательно здесь указание, что «не имеется ничего письменного о причине сей панихиды». В поздних вятских летописях упомянута стычка, в которой Михаилом Рассохиным с вятчанами были убиты Анфал Никитин и его воины. Характерно, что враги — Анфал и Рассохин — превратились тут в единого персонажа.

Во всех вариантах предания причиной появления Свистопляски называется битва вятчан с устюжанами. Но обычно это побоище толкуется как роковое следствие ошибки и неразберихи, случившейся между союзниками. Редко когда рассказывали, будто устюжане шли на вятчан как враги. В этом описании — именно так. А прелюбопытный вариант о «народном возмущении» — единичен, развития он не получил.

Писавшие о Свистопляске предпринимали попытки объяснить некоторые элементы обрядово-праздничного действия, исходя из исторического предания. Например, Н. З. Хитрово полагал, что дымковские пестро раскрашенные глиняные барышни изображали многочисленных вдов, оставшихся после злосчастного побоища [Хитрово 1892: 330]. В этом же описании говорится, что вятчане на празднестве свистят в память о том условном свисте, которым устюжане пытались предупредить о своем приближении.

Вятчан действительно обзывали «слепородами». Происхождение такого прозвища достоверно не выяснено. Возможно, слово это книжного происхождения, перешедшее на жителей Вятки с обитателей иных земель, которые считались анекдотическими недотепами. Однако на Вятке прозвище, как правило, связывается со Свистопляской,

[9] Записки членов-корреспондентов: 13.

когда свои своих не опознали и побили — как бы сослепу. В целом же, указание на то, что дети в какой-либо чужой этнической группе при рождении слепы (что сближает их с животными) — типичный этнокультурный стереотип, хорошо известный у славян. Например, про евреев говорили, будто их дети рождались слепыми [Белова 2005: 10, 54–55].

Илл. 5. Теперь Свистуньей могут назвать выступление творческого коллектива — вятской студии народной песни «Отрада». И не заботятся о дате: в 2019 году концерт решили дать на первой неделе Великого поста. Из объявления о концерте: «Участники студии расскажут о возникновении русской ярмарки, ознакомят с художественными промыслами и особенностями проведения народных праздников»

Заключение

Для авторов, писавших в 1830-е годы о Свистопляске, ее важнейшей частью была панихида по убиенным воинам, будто бы погребенным при часовне Михаила Архангела. Это коллективное поминовение соотносилось с преданием о давнем побоище, память о котором устойчиво сохранялась на Вятке. Ярмарка же и особенно народное гулянье обращали на себя внимание в меньшей степени. Во всяком случае, заметно, что Свистопляска в ранних описаниях предстает достаточно обычным православным празднованием (с широким участием горожан): она приурочена к дате пасхального цикла; она начинается с панихиды при часовне; ей, как и многим церковным праздникам, сопутствует ярмарка; все это сопровождается народным весельем (прежде всего, детским и молодежным). И главное в ней — коммеморативный аспект.

Литература

А. В. [Верещагин, А. С.]. (1892). Заметка по поводу статей Рычкова и Хитрово. *Календарь Вятской губернии на 1893 г.* Отд. 3, 330–337.

Балыбердин, А., прот. (2012). Малоизвестное сочинение вятского семинариста Федора Пинегина «История Вятской страны по части церковной». В Иерей В. Писцов (Отв. ред.). *Духовное образование на Вятской земле: история и современность: Сб. мат. регион. науч.-практич. конф. Вятка (Киров), 3 мая 2012 г.*, 25–32. Вятка (Киров): Вят. духов. училище, Вят. гос. ун-т.

Белова, О. В. (2005). *Этнокультурные стереотипы в славянской народной традиции*. М.: Индрик.

Богуславская, И. Я. (1988). О вятской Свистопляске. *Советская этнография, 1988*(2), 90–94.

Зеленин, Д. К. (1904). *Кама и Вятка: Путеводитель и этнографическое описание Прикамского края*. Юрьев: Тип. Эд. Бергмана.

Зеленин, Д. К. (1995). *Избранные труды. Очерки русской мифологии: Умершие неестественною смертью и русалки*. М.: Индрик.

Королева, С. Ю., Колегова, О. А. *Память о средневековых набегах и убиенных воинах в Северном Прикамье: Церковный культ, народные практики, фольклорные нарративы* [В печати].

Коршунков, В. А. (1998). Свистопляска. В В. А. Поздеев (Сост.). *Энциклопедия земли Вятской. Т. 8: Этнография, фольклор*, 341–362. Киров: Киров. обл. писательская организация.

Коршунков, В. А. (2012). Поклонялись ли вятчане в XVIII веке языческому богу Волосу? В Прот. А. Балыбердин (Сост.). *Обретение святых. III Регион. церковно-науч. конф.: Сб. науч. работ [г. Киров (Вятка). 23 окт. 2011 г.]*, 81–87. Киров: [б. и.].

Коршунков, В. А. (2014). Письма семинариста Федора Пинегина о ротонде в Александровском саду г. Вятки. В М. С. Судовиков (Сост., науч. ред.). *Вятский исторический сборник. Год 2014-й: Тр. науч.-исслед. Центра регионоведения*, 258–268. Киров: Герценка.

Мусихин, А. Л. (2010). Известие о гибели двинского боярина Анфала Никитина в общерусских и вятских летописях: Причины разночтений (постановка вопроса). В О. С. Аржанова (Отв. ред.), А. А. Кузнецов (Науч. ред.). *Мининские чтения: Тр. участников Междунар. науч. конф. Нижегород. гос. ун-та им. Н. И. Лобачевского (24–25 окт. 2008 г.)*, 361–371. Н. Новгород: РИО Центр. архива Нижегород. обл.

Повесть о граде Вятке, что до открытия губерний именована Хлынов. Выписана из древних Хронографов (1824). *Казанский вестник, изд. при Имп. Казанском ун-те, 11*(V–VI), 5–25.

Рахно, К. Ю. (2013). Новгородский прототип вятской Свистопляски. В С. Н. Будашкина (Сост.), В. А. Поздеев (Науч. ред.), М. С. Судовиков (Науч. ред.). *Зеленинские чтения: Материалы Всерос. науч. конф. (Киров, 12 нояб. 2013 г.)*, 125–129. Киров: Киров. обл. науч. б-ка им. А. И. Герцена.

Рахно, К. (2013а). *Свистопляска і Ренкавка (глиняні вироби в традиційно-побутовій культурі як джерело формування національної ідентичності слов'янських народів).* Полтава: АСМІ.

[Рычков, Н. П.]. (1892). О древности города Хлынова и всей Вятской страны. *Календарь Вятской губернии на 1893 г.* Отд. 3, 313–325.

[Хитрово, Н.]. (1892). Отрывок из журнала, писанного в Вятке в 1811 г. Н. Хитрово. *Календарь Вятской губернии на 1893 г.* Отд. 3, 325–330.

Чагин, Г. Н. (2010). *Пермский край на перекрестках истории и культуры: учеб. пос.* Пермь: Прикам. социальный ин-т.

References

A. V. [Vereshchagin, A. S.]. (1892). A note on the articles of Rychkov and Khitrovo. In *The Calendar of the Vyatka province for 1893*. Dep. 3, 330–337. (In Russian).

Balyberdin, A. (2012). A little-known essay by the Vyatka seminarian Fyodor Pinegin "The history of the Vyatka land concerning church history". In Priest V. Pistsov (Ed.). *Clerical education in the Vyatka region: history and modernity*, 25–32. Vyatka (Kirov). (In Russian).

Belova, O. V. (2005). *Ethnocultural stereotypes in the Slavic folk tradition*. Moscow. (In Russian).

Boguslavskaya, I. Ya. (1988). About the Shistoplyaska of Vyatka. In *Sovetskaya ehtnografiya*, *1988*(2), 90–94. (In Russian).

Chagin, G. N. (2010). *Permskij kraj na perekrestkah istorii i kul'tury*. Perm'. (In Russian).

[Khitrovo, N.] (1892). An excerpt from a journal written in Vyatka in 1811 by N. Khitrovo. In *The Calendar of the Vyatka province for 1893*. Dep. 3, 325–330. (In Russian).

Korolyova, S. Yu., Kolegova, O. A. *Memory of medieval raids and slain warriors in the Northern Kama region: church cult, folk practices, folklore narratives* [Work in progress]. (In Russian).

Korshunkov, V. A. (1998). Svistoplyaska. In V. A. Pozdeev (Ed.). *Encyclopedia of the Vyiatka land. Vol. 8: Ethnography, folklore*, 341–362. Kirov. (In Russian).

Korshunkov, V. A. (2012). Did the Vyatka people worship the pagan god Volos in the 18th century?. In Fr. A. Balyberdin (Ed.). *Invention of the saints*, 81–87. Kirov. (In Russian).

Korshunkov, V. A. (2014). Letters by the seminarian Fyodor Pinegin about the rotunda in the Alexandrine Garden of Vyatka. In M. S. Sudovikov (Ed.). *Vyatka historical collection*, 258–268. Kirov. (In Russian).

Musikhin, A. L. (2010). The record of death of the Dvina nobleman Anfal Nikitin's death in the all-Russian and Vyatka chronicles: Causes of discrepancies (raising the question). In O. S. Arzhanova, A. A. Kuznetsov (Eds.). *Minin readings*, 361–371. Nizhny Novgorod. (In Russian).

The tale of the Vyatka town, that before the provinces began was called Khlynov. Extracts from the Chronographers of old (1824). In *Kazan Bulletin*, *11*(V–VI), 5–25. (In Russian).

Rakhno, K. Yu. (2013). Novgorod prototype of the Svistoplyaska of Vyatka. In S. N. Budashkina, V. A. Pozdeev, M. S. Sudovikov (Eds.). *Zelenin readings*, 125–129. Kirov. (In Russian).

Rakhno, K. (2013a). *Svistoplyaska and Renkavka (clay artifacts in traditional everyday culture as origins of the formation of the Slavic peoples' national identity)*. Poltava. (In Ukranian).

[Rychkov, N. P.]. (1892). On the antiquity of the Khlynov city and the all the Vyatka land. In *The Calendar of the Vyatka province for 1893*. Dep. 3, 313–325. (In Russian).

Zelenin, D. K. (1904). *Kama and Vyatka: A guide and ethnographic description of the river Kama region*. Yuriev. (In Russian).

Zelenin, D. K. (1995). *Selected works. Essays upon Russian mythology: Those who had suffered unnatural death and the Rusalkas*. Moscow. (In Russian).